

Н. С. Седых

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УГРОЗ

Аннотация. В статье анализируется терроризм как информационно-психологическая угроза. Рассматриваются средства массовой коммуникации как дискурсивная система и их роль в социальном конструировании феномена терроризма. Предлагаются методы исследования специфики информационно-психологического воздействия сообщений СМК о терроризме с целью организации эффективного информационно-психологического противодействия.

Ключевые слова: психология, терроризм, теракт, угроза, воздействие, информация, коммуникация, текст, дискурс, медиадискурс.

Терроризм представляет собой одно из наиболее сложных и опасных явлений современности, поскольку является фактором глобального значения, влияющим на жизнедеятельность отдельных государств и мирового сообщества в целом. Этим во многом обусловлена тенденция отождествления терроризма и войны, обозначившаяся после событий 11 сентября 2011 г. в США. Зарубежный исследователь А. Джангир утверждает, что «терроризм – самостоятельная военно-политическая категория, особый вид войны, компонент политической культуры и направление идейного мировоззрения, включающий силовые и иные представляющие угрозу мотивированные действия, проявления и тенденции со стороны организованных структур, действующих вне формата государства»¹. Сходного мнения придерживаются и отечественные исследователи, полагая, что терроризм в настоящее время «революционирует» в новый вид глобальной войны².

На наш взгляд, вследствие глобальной информатизации социального пространства терроризм приобрёл черты “бархатной” или “мягкой” войны, основанной на использовании различных средств массовой коммуникации (СМК) для осуществления контроля над общественным мнением населения, направленного на достижение определённых социально-политических и экономических целей. В контексте террористической деятельности, как известно, ведущей целью является создание объединённого исламского государства. В этой связи терроризм представляет собой сочетание

высокого уровня политической мотивации с низким уровнем участия масс³.

Однако субъекты терроризма преследуют не только политическую, но и финансовую выгоду, а их действия наносят ущерб финансовой и экономической стабильности государств. Первичный источник всех форм терроризма, по мнению многих исследователей, – конфликт. Причиной его возникновения является социально-экономическая ситуация, когда несколько субъектов (индивидов или групп) имеют взаимно исключающие цели. Заметим, что в экономическом анализе причин терроризма один из ведущих подходов – геоэкологический, согласно которому терроризм – одна из форм противоборства “бедного Юга” и “богатого Севера” (периферии и ядра современной мир-системы, в терминах И. Валлерстайна)⁴. В этой связи терроризм выступает единственно доступным способом борьбы «слабых» с «сильными». По мнению большинства исследователей, главными детерминантами радикализма были и остаются социально-экономические причины, которые окрашиваются в национальные, религиозные или психологические цвета⁵.

Следовательно, терроризм, на наш взгляд, можно рассматривать как форму экономического поведения, являющуюся системой социальных действий, которые, во-первых, связаны с использованием различных

¹ Джангир А., Четвёртая мировая война. М., 2003. С. 10.

² Терроризм в современном мире. 2-ое изд. / Под ред. В. Л. Шульца; Центр исследований проблем безопасности РАН. – М.: Наука 2011. – С. 10.

³ Осипова А. А. Справочник психолога по работе в кризисных ситуациях / А. А. Осипова. – Изд. 2-е.- Ростов-на-Дону, Феникс, 2006 С. 116.

⁴ См. Латов Ю. В. Экономический анализ терроризма// Общественные науки и современность №5. 2007. С. 18-21.

⁵ Терроризм в современном мире. 2-ое изд. / Под ред. В. Л. Шульца; Центр исследований проблем безопасности РАН.- М.: Наука 2011.- С. 5.

по функциям и по назначению экономических ценностей (ресурсов), и, во-вторых, ориентированы на получение пользы (выгоды, вознаграждения, прибыли) от их обращения⁶. С точки зрения экономической психологии такое поведение рассматривается как набор психологических способов и средств, ориентированных на достижение удовлетворения одним человеком или группой людей фундаментальных потребностей в сфере производства, обмена и потребления благ⁷.

Как известно, общей социальной базой для возникновения массового насилия являются такие социальные условия в обществе, как тяжёлые экономические проблемы, затяжные насильственные этнополитические конфликты, быстрые социально-культурные изменения или совокупность этих факторов. Это обусловлено тем, что данные факторы имеют колоссальное фрустрирующее воздействие: они блокируют удовлетворение витальных потребностей людей. Это потребность в пище, в здоровье и отсутствии болезней, в наличии или отсутствии «крыши над головой» для себя и семьи. Гигантский разрыв между имущими и неимущими людьми во многих странах и регионах мира может приводить к образованию и поддержке различных повстанческих и террористических групп. Люди, которые фактически не имеют материальных жизненных ресурсов (и, следовательно, почти ничего не теряют) становятся первыми кандидатами для вступления в экстремистские организации, обещающие лучшие условия жизни после того, как имущие будут лишены власти⁸.

Соответственно, террористические акции или угрозы их совершения, с одной стороны, согласно действующему законодательству, являются средством «воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями», с другой – способом действий «устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинение

значительного имущественного вреда либо наступления иных тяжких последствий»⁹.

В этой связи отметим, что, на наш взгляд, один из компонентов экономического поведения – аффективный (эмоциональный) в контексте террористической деятельности представлен агрессией. Однако агрессивное поведение, как и другие формы социального поведения в межличностном или в межгрупповом взаимодействии, регулируется социально принятыми и ситуативно-релевантными нормами. При этом каждый человек, согласно теории Р. Харре, руководствуется в своей «психологической истории» мотивом завоевания уважения других людей. По этой причине стиль действий и тип суждений, которые имеет человек, служат экспрессивной задаче презентации личности в определённом социальном пространстве. В то же время умение «читать текст» социального взаимодействия, знание его правил и принципов интерпретации, умение понять, как тебя оценивают другие, и выразить свою оценку – всё это для человека есть способ получения уважения окружающих. К описанной презентационной схеме, по Р. Харре, относится и умение выражать публично различные эмоциональные состояния, в том числе и эмоции, связанные с агрессией¹⁰.

Таким образом, опираясь на концепцию Р. Харре и результаты исследований отечественного автора А.В. Овруцкого, под террористической агрессией мы будем понимать социально – нормированный коммуникативный акт, имеющий в рамках конкретной и дискретной ситуации деструктивную цель и призванный решить определённые задачи¹¹. К числу таких задач, прежде всего, относится дестабилизация общества посредством порождения страха перед «лицом террора». Известный идеолог экстремизма, А. Гадан убеждён, что даже неудавшийся теракт, имеет значительный эффект, поскольку вынуждает власти тратить огромные средства на дополнительные меры

⁶ Гусев Д.К. Социально-психологические факторы, влияющие на экономическую деятельность и функционирование экономической сферы// Кантовские чтения в КРСУ (22 апреля 2004 г.); Общечеловеческое и национальное в философии: II международная научно-практическая конференция КРСУ (27-28 мая 2004 г.). Материалы выступлений / Под общ.ред. И.И. Ивановой. — Бишкек, 2004. — С. 238-245.

⁷ Дейнека О. С. Экономическая психология: Учеб. пособие. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. — 160 с.

⁸ Соснин В. А. Психология современного терроризма. – М.: ФОРУМ, 2010. – 160 с., С. 16.

⁹ См. Терроризм в современном мире. 2-ое изд. / Под ред. В. Л. Шульца; Центр исследований проблем безопасности РАН.- М.: Наука 2011. – С. 282.

¹⁰ Харре Р. Грамматика и лексика – векторы социальных представлений// вопросы социологии.- 1993 №½ с.118-129;

¹¹ Овруцкий А. В. Социальные представления о военном конфликте в Чеченской республике (на материалах газеты «Комсомольская правда» // Автореф. дис. соиск. канд. психолог. наук. Ростов–на–Дону, 2008, – 27 с.

безопасности и тем самым провоцирует панику среди жителей западных мегаполисов¹².

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем рассматривать современный терроризм как способ информационно-психологического воздействия с целью управления социумом посредством превентивного устрашения и достижения социально-политических и экономических целей.

В этой связи наиболее перспективен информационно-семиотический подход, позволяющий выделить терроризм как сложную организованную информационную систему, в процессе деятельности которой конструируются источник информации, передатчик информации и получатель информации¹³. В контексте данного видения предназначение теракта есть передача некоего послания. По этой причине для лидеров соответствующих организаций принципиальное значение имеет совершение теракта в наиболее резонансной точке. В целях анализа ситуаций террористической опасности считаем необходимым предложить авторское определение точки резонанса. Под точкой резонанса, на наш взгляд, необходимо понимать способ территориальной организации акции террора, обеспечивающий её наиболее болезненное социальное восприятие и осознание произошедшего как угрозу собственной безопасности. Теракты, организованные таким образом, продемонстрировали, что современный человек находится в зоне повседневного риска. Серии взрывов жилых домов в г. Москве, Волгодонске и Буйнакске (1999 г.) привели к тому, что было поколеблено укоренившееся ощущение «мой дом – моя крепость». Трагические события в Беслане 1.09.2004 г., поразили своей жестокостью и продемонстрировали, что даже дети могут стать объектом террора. Серии взрывов в метро, аэропортах и другие подобные теракты привели к тому, что граждане не только стали проявлять бдительность, но и испытывать тревогу, находясь в местах общественного скопления. Итак, террористическая опасность проникла в различные сферы социального бытия человека и стала сопровождать его жизнедеятельность и социальную активность. Однако в немалой степени этому способствовала и сенсационная подача

информации о террористических проявлениях и причастных к ним людям в СМК. СМИ, как подчёркивает В.В. Лунёв, вольно или невольно служат надёжными пособниками террористов в нагнетании страха¹⁴. Это во многом обусловлено тем, что посредством СМИ осуществляется передача устрашающего информационного послания боевиков непосредственному адресату – массовой недифференцированной аудитории. Однако семиотическое пространство такого послания, воплощенное в теракте, резко расширяется в границах смыслового содержания и оценочных рефлексий. Как отмечает В.Б. Петухов, «шоковое состояние масс усугубляется хаосом непроверенной информации, панических слухов и предположений, ретранслируемых СМИ»¹⁵.

Причём лидеры террористических организаций, на наш взгляд, преднамеренно режиссируют акции террора так, чтобы они получили всемирное освещение и оказали информационно-психологическое воздействие, заключающееся в изменении или укреплении взглядов, мнений, отношений и других психологических явлений. Следует подчеркнуть, что информационно-психологическое воздействие является значимым атрибутом психологической войны, цель которой — достижение устойчивого результата в формировании общественного мнения, закладывание установок и паттернов поведения в подсознание масс. При воздействии на такие установки впоследствии происходит управление массовым психическим сознанием.

Соответственно, в психологической войне ключевую роль играют различные способы идеологического влияния и пропаганды, направленные на формирование общественного мнения в нужном манипуляторам ключе. Подчеркнём, что, идеология, согласно концепции зарубежного исследователя Томпсона, является смысловой конструкцией, поскольку выражена символическими формами, представляющими собой широкую совокупность действий и высказываний, текстов и образов. В этой связи идеология рассматривается через призму путей и способов, в которых значение, мобилизованное посредством символических форм, служит установлению и поддержанию

¹² Нечитайло Д.А. Современный радикальный экстремизм: стратегия и тактика / Отв. ред. В.Л. Шульц; Центр исследований проблем безопасности РАН.-М.:Наука, 2011. С. 431.

¹³ Петухов В. Б., Терроризм в информационно-семиотическом и мифологическом контексте // Общественные науки и современность, 2008, №3, 92-101

¹⁴ См. Терроризм в современном мире. 2-ое изд. / Под ред. В.Л. Шульца; Центр исследований проблем безопасности РАН.- М.: Наука 2011. – с. 64.

¹⁵ Петухов В.Б. Терроризм в информационно-семиотическом и мифологическом //Общественные науки и современность, №3, 2008, С. 92-101.

отношений доминирования¹⁶. В то же время функция выражения идеологии или «узаконивания власти», по мнению Т. ван Дейка, является основной функцией прессы¹⁷.

Однако символические формы, как указывает Томпсон, оказываются включенными в процесс конституирования социальных отношений и являются репрезентациями, с помощью которых артикулируются или затеваются социальные отношения и интересы. Следует отметить, что репрезентация, согласно С. Холлу, – это производство смысла посредством языка¹⁸. В то же время З. Фрейд, рассматривая репрезентативную функцию языка, отмечал, что слова могут одновременно отражать и формировать психический опыт. Это свойство делает их мощным орудием, так как позволяет влиять на сознательные или бессознательные психические процессы с помощью языковых средств¹⁹.

Заметим, что войны, в которых имело место воздействие на психику масс, существовали во все времена. Однако в нынешнем тысячелетии информационно-психологические войны вследствие интенсификации коммуникативных технологий перешли на новый этап собственного развития. Как известно, наблюдаемое на рубеже XX и XXI вв. активное развитие коммуникационных технологий значительно облегчило производство и распространение социально значимой информации и привело к формированию глобального информационного пространства, в которое вовлечены целые сообщества, политические, экономические, религиозные и культурные институты.

По мнению С. Московичи, изменение формы и средств коммуникации влечёт за собой изменение природы групп и формы власти. Следовательно, задача адекватного управления обществом в условиях постиндустриальной эпохи требует перехода с административного на коммуникативное поле. В такой ситуации задача удержания власти предстаёт как ком-

муникативная задача²⁰. В этой связи важно отметить, что, по мнению Ю. Хабермаса, коммуникативное действие как символически опосредованная интеракция, во-первых, задаёт систему отсчёта для описания и понимания происходящего, для конструирования его как предмета познания, во-вторых, коммуникативное действие – это конкретно-исторический процесс производства социальной реальности²¹.

Таким образом, мы считаем, что исследовать терроризм как способ информационно-психологического воздействия необходимо с позиций социального конструкционизма. В данной исследовательской парадигме язык получает конститутивный статус, способность активно воздействовать на поведение и мышление людей, и рассматривается как порождающий процесс. При этом личности и человеческие сообщества являются не априорными величинами – они конституируются в процессе общения, во-первых, дискурсивно, во-вторых, интерактивно. Отметим, что одновременно основой и результатом коммуникации являются социальные представления, которые обеспечивают разделяемые коды социального взаимодействия и позволяют конвенциализировать объекты, идеи, теории, события и отношения, подчиняя их обыденности, здравому смыслу. Исследователь данного феномена М. Московичи, указывает на то, что представления основаны не на тех вещах и ситуациях, которые в них упоминаются, а на коммуникации, касающейся этих вещей и ситуаций²².

Следовательно, социальные представления о терроризме, на наш взгляд, формируются под воздействием дискурсивных практик средств массовой коммуникации (СМК). В этой связи отметим, что развитие социальных представлений о терроризме можно описать с помощью «динамической модели»²³. Оно прослеживается во внешних изменениях, которые представляют собой объективацию предмета пред-

¹⁶ Thompson John B. *Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication*. Oxford: Polity Press, 1990. PP. 56-66.

¹⁷ Дейк, ван Т. *Язык. Познание. Коммуникация*. М., 1989. С. 28-32.

¹⁸ Hall S. 1986. *The Problem of Ideology – Marxism Without Guarantees*. – *Journal of Communication Inquiry*, vol. 10, N 2. PP. 14-26.

¹⁹ Браун Дж. *Психология Фрейда и постфрейдисты*. — М.: REFL-book; Киев: Вак-лер, 1997. – С. 25-28

²⁰ С. Московичи *Век толп. Исторический трактат по психологии масс*. /Пер. с фр. М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998г. – 231 с.

²¹ Хабермас Ю. *Моральное сознание и коммуникативное действие* / Пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева, послесл. Б. В. Маркова. — СПб.: Наука, 2000. – С. 57.

²² Московичи С. *Социальные представления. Исторический взгляд* // *Психологический журнал*. - 1995. – Т. 16. - №1-2. – С. 11-22

²³ Емельянова Т.П. *Социальное представление: понятие и концепция: итоги последнего десятилетия* // *Универсальные базы данных изданий России и стран СНГ*. URL: <http://www.ebiblioteka.ru/sources/article.jsp?id=3684782>, 2002.)

ставления – терроризма и включают в себя несколько этапов. Завершает процесс формирования социальных представлений этап «натурализации». На этом этапе элементы социальных представлений наделяются свойствами объективности и реальности. Например, в качестве элементов социальных представлений о терроризме могут выступать угроза теракта, террорист. В этой связи необходимо отметить, что важнейшей функцией социальных представлений является функция опосредованного поведения. Данная функция проявляется как во внешне наблюдаемом поведении, так и в эмоциональных проявлениях. Это подтверждается результатами исследований Р. Харре, который выявил, что появление тех или иных эмоций и их динамические параметры во многом зависят от социальных представлений. Современные исследователи констатируют, что в настоящее время в число навязчивых страхов (фобий) входят и страхи перед террором. Однако отмечается, что это не классические психиатрические фобии, подразумевающие навязчивую, необоснованную боязнь чего-либо неопределенного. Страх перед террористическим актом – глобальная угроза не только физическому выживанию, но и нормальному психическому состоянию человечества²⁴. Данные страхи и опасения, на наш взгляд, появляются вследствие формирования и развития социальных представлений о терроризме, происходящих под влиянием масс-медиа.

Устрашающий эффект воздействия на социум террористических проявлений, безотчетный страх насильственных действий, который порождается неизвестностью и неопределенностью места, времени и характера насильственной угрозы, зафиксирован социологическими опросами, согласно которым граждане нашей страны весьма тревожатся угрозой пострадать от теракта. Так, 54% считают вполне возможным совершение теракта в месте, где они живут. Часто ловят себя на мысли, что они сами или члены их семей могут оказаться жертвами терактов около 15%. К 50% эта мысль приходит в основном после трагических случаев. Причём среди сельских жителей считают теракт вполне возможным 42%, в райцентрах 55%, в областных столицах – 60%, в мегаполисах – 64%²⁵.

²⁴ Мухина В.С. Террористическая атака в Беслане – глобальная трагедия человечества // Сайт Валерии Мухиной. URL: <http://www.vfly.ru/beslan.htm>

²⁵ Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Авт.-Сост. е. П. Добрынина; Под Общ. Ред. М. К. Горшкова. – М.: ИИК «Российская газета»,

В то же время в экстремальные периоды численность лиц, испытывающих страх стать жертвами теракта, увеличивается на 30 – 40%, а интенсивность психологической реакции способна достигнуть панических настроений²⁶.

Однако, по мнению В. Б. Петухова, неотъемлемая важнейшая часть террористического процесса, террорфония, которая не только фиксирует социокультурную адаптацию терроризма в массовом общественном сознании, но и запускает механизм психологических изменений в менталитете, мировоззрении, образе жизни – как на личностном, так и на общесоциальном уровне.

На наш взгляд, это осуществляется посредством целенаправленного управления процессом формирования и развития социальных представлений о терроризме. Причём инструментальным способом, позволяющим добиться этого, является организация медиадискурса, соответствующего скрытым намерениям лидеров террористических движений.

В этой связи подчеркнём, что средства массовой коммуникации относятся к дискурсивным системам и участвуют в производстве и воспроизводстве типизированных значений. «Представление, – считает зарубежный исследователь В. Вагнер, – это концептуальный пирожок, сделанный из мира-теста силами дискурса, консенсуса и социального поведения»²⁷. В свою очередь дискурсы представляют собой «динамическую деятельность, конструирующую смысл». Причём «...воображаемое получает, таким образом, совершенно реальное, материальное воплощение»²⁸.

Соответственно, дискурс, с одной стороны, формируется социальными отношениями, а с другой – формирует их. Это обусловлено тем, что дискурсы являются способом конструирования объектов и событий, которые выступают предметом обсуждения. В этой связи дискурс понимается как специфическая версия событий, выраженная в повествованиях, ут-

2007.- С. 211

²⁶ Пост терроризма в России. 2004. 4 октября (www.levada.ru).

²⁷ Wagner W. Queries about social representation and construction // Journal for the theory of social behaviour. 1996. V. 26. N 2. P. 95-120., С. 109

²⁸ Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. п. Серию; предисл. Ю. С. Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 17.

верждениях, диалогах²⁹. Причём любой объект, событие или человек может быть помещен в различные дискурсы и, таким образом, по-разному репрезентирован. Следовательно, можно говорить о двустороннем характере отношений между реально существующими объектами и дискурсом. С одной стороны, различные дискурсы соответствуют реальным объектам и событиям. С другой стороны, реальные объекты и события становятся такими, какое значение им придается в дискурсе, в котором они появляются³⁰.

Важно отметить, что дискурс обнаруживает себя в текстах. В данном случае значение термина «текст» имеет расширительное толкование. Под текстом понимается и устное выступление, и письменные материалы, и визуальные изображения, и даже значения, закодированные в одежде и манере ее носить. Фактически все, что так или иначе семантически нагружено, является проявлением того или иного дискурса и может быть определено как «текст». В этой связи текст является репрезентацией социальных и культурных значений, которые люди придают различным феноменам, событиям, обстоятельствам. Слова выступают проявлением дискурсов, проекцией репрезентации событий в социальную жизнь. Они возникают не в частном опыте человека, не в его внутреннем мире, а в дискурсивной культуре, которой принадлежит человек³¹. Тогда объекты и события, о которых люди говорят или пишут, могут рассматриваться как части дискурса.

Однако в современных условиях особое значение для межличностного разговорного общения, как отмечает Г. Г. Дилигенский, имеют масс-медиа, являющиеся важнейшим механизмом формирования и развития социальных представлений³². Это обусловлено тем, что медиа обладают властью «предписывать» событиям некий смысл, интерпретируя их определенным образом и придавая данным интерпре-

тациям статус общепризнанной «правды»³³. В связи с этим весь массив текстов массовой коммуникации, по мнению Т. ван Дейка, – это особый тип языкового употребления, относящийся к специфике социокультурной деятельности. Рассматриваемые тесты, по мнению автора, представляют собой «сложное коммуникативное явление», выступающее как диалог социальных субъектов³⁴.

Следует уточнить, что массовая коммуникация может рассматриваться как система, составляющие которой не просто «механически» связаны друг с другом (например, интенцией автора, социальной ситуацией или экономическими интересами СМИ), а образуют единое целое. Это обусловлено интересубъективными процедурами создания знания, особым знаково-символическим и концептуальным контекстом, в котором оказываются и коммуникатор, и аудитория, и средства коммуникации. Коммуникатор всегда моделирует не только само сообщение, но и образ потенциального получателя информации, исходя из собственного представления о нем. Более того, он не является абсолютным адресантом, а совмещает роли коммуникатора и реципиента, будучи таким же потребителем массовой информации, как и его аудитория. Соответственно, коммуникатор и реципиент соучаствуют в процессах образования и трансляции смысловых структур. По этой причине масс-медиа принадлежит ведущая роль в формировании таких сложных когнитивных образований, как образы, стереотипы, мифы, идеологии, являющиеся в определенной степени отсроченными эффектами массовой коммуникации.

Таким образом, медиадискурс находится в определенной модальности по отношению к некоторой предметной области и его можно интерпретировать как тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в масс-медийном пространстве³⁵. Подчеркнем, что медиадискурс о терроризме, на наш взгляд, относится к репрезентирующему типу. Это определяется тем, что в нём представляется терроризм как одна из значимых угроз современности, которая раскрывается посред-

²⁹ См. Качественный подход в психологическом исследовании [Текст]: монография / А. Ю. Чернов; ГОУ ВПО «ВолГУ». – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. – С. 140

³⁰ Baxter, L. A. The social side of personal relationships: A dialectical perspective / L. A. Baxter // Duck S. Social context and relationships. – Newbury Park, CA: SAGE Publications, 1993. – P. 139–165.)

³¹ Фуко, М. Археология знания: пер. с фр. / М. Фуко; общ. ред. Бр. Левченко. – К.: Ника-Центр, 1996. – 208 с.

³² Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. – М.: Наука, 1994. – С. 104

³³ Hall S. 1986. The Problem of Ideology – Marxism Without Guarantees. – Journal of Communication Inquiry, vol. 10, N 2. P. 14–26.

³⁴ Дейк, ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. – С. 23

³⁵ Кожемякин Е.А. Дискурс-анализ массовой коммуникации// URL: http://www.gmj.sfedu.ru/v2i1/v2i1_kozhemyakin.htm

твом позиционирования в дискурсе масс – медиа конкретных персон, являющихся проводниками экстремисткой идеологии и их деятельности, её причин и последствий. Соответственно, нам представляется возможным определить содержательные характеристики социальных представлений о терроризме посредством следующей схемы: субъект терроризма – объект терроризма – причина агрессивного взаимодействия – последствия агрессивного взаимодействия. Следовательно, при изучении содержания социальных представлений о терроризме необходимо определить специфическую содержательную выраженность каждого из этих компонентов, специфическую их последовательность и характеристики, обретающие социальное бытие посредством репрезентации в дискурсе СМК и получающие дальнейшее развитие при конструировании феномена терроризма представителями различных социальных и возрастных групп населения.

Итак, в настоящее время назрела необходимость провести исследование, цель которого – содержательный анализ социальных представлений о терроризме в дискурсивном контексте их транслирования СМК. В этой связи подчеркнём, что с точки зрения социального конструкционизма в процессе взаимодействия происходит не только дискурсивное конструирование событий или феноменов, но и ситуаций, в которых происходит взаимодействие. При этом контекст конструируется как интерпретация момента взаимодействия «on-line». Под контекстом тогда понимается активность, сопряженная с производством текста, разворачивающаяся непосредственно в ходе взаимодействия. Предметом исследования становится рассмотрение самих контекстов, а не взаимодействие индивидов и контекстов. В этой связи цель иссле-

дования – выяснение того, чем разные контексты отличаются друг от друга и как они связаны один с другим³⁶. Этим, по нашему мнению, определяется необходимость изучения медиадискурсивных практик сообщений о наиболее громких терактах, произошедших в различных точках резонанса, и определения специфических характеристик их дискурсивных контекстов. В этой связи подчеркнём, что дискурсивная практика выполняет не только описательные, но и конструирующие функции. Это обусловлено тем, что познание осуществляется в дискурсивной практике не только с помощью «отражательных» операций (отражение и копирование), но и с помощью опосредованных операций, выводящих субъекта за пределы чувственного опыта – репрезентации, категоризации, интерпретации, конвенции. В этой связи в фокусе внимания оказываются средства воздействия высказывания на его получателя, специфика тематики, система убеждений, способы рассуждения³⁷. Вместе с тем необходимо изучить социальные представления о терроризме у представителей различных возрастных и социальных групп населения, проживающих в разных регионах страны, имеющих различную степень террористической опасности. Соотнесение этих данных с результатами анализа дискурса массмедиа позволят определить специфику информационно-психологического воздействия текстов сообщений СМК о терроризме и организовать эффективное противодействие. Наряду с этим, результаты данного исследования будут полезны при создании гибких инновационных образовательных программ и практико-ориентированных технологий, нацеленных на предотвращение развития идей экстремизма и терроризма среди подростков и молодёжи, проживающей в регионах повышенной террористической опасности.

Библиография

1. Дейк, ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. с.28-32.
2. Джангир А., Четвёртая мировая война. М., 2003. с.10.
3. Емельянова Т.П. Социальное представление: понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Универсальные базы данных изданий России и стран СНГ. URL: <http://www.ebiblioteka.ru/sources/article.jsp?id=3684782>, 2002.

³⁶ Качественный подход в психологическом исследовании [Текст]: монография / А. Ю. Чернов; ГОУ ВПО «ВолГУ». – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. – С. 88

³⁷ Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.- С.127.

4. Латов Ю. В. Экономический анализ терроризма// *Общественные науки и современность* №5. 2007. С. 18-21.
5. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозиз», 2003. с.127.
6. Московичи С. Социальные представления. Исторический взгляд// *Психологический журнал*. 1995. – Т. 16. №1 2.- с.11-22.
7. Нечитайло Д.А. Современный радикальный экстремизм: стратегия и тактика/ отв. ред. В.Л. Шульц; Центр исследований проблем безопасности РАН.-М.:Наука, 2011.с. 431.
8. Петухов В. Б., Терроризм в информационно-семиотическом и мифологическом контексте // *Общественные науки и современность*, 2008, №3. с.92-101.
9. Соснин В. А. Психология современного терроризма.- М.: ФОРУМ, 2010. с. 16.
10. Терроризм в современном мире. 2-ое изд. / Под ред. В. Л. Шульца; Центр исследований проблем безопасности РАН.- М.: Наука 2011. (с. 10, с.5, с. 282).
11. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д. В. Скляднева, послесл. Б. В. Маркова. — СПб.: Наука, 2000. с.57.
12. Hall S. 1986. The Problem of Ideology – Marxism Without Guarantees. – *Journal of Communication Inquiry*, vol. 10, N 2.
13. Morse, J. M. Interviewing the ill / J. M. Morse // Gubrium J., Holstein A. *Handbook of interview research*. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. – P. 317–330.
14. Thompson John B. *Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication*. Oxford: Polity Press, 1990. P. 56-66.
15. Wagner W. Queries about social representation and construction // *Journal for the theory of social behaviour*. 1996. V. 26. N 2. P. 95-120., с. 109.

References (transliteration)

1. Deyk, van T. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. M., 1989. s.28-32.
2. Dzhangir A., Chetvertaya mirovaya voyna. M., 2003. s.10.
3. Emel'yanova T.P. Sotsial'noe predstavlenie: ponyatie i kontseptsiya: itogi poslednego desyatiletia // *Universal'nye bazy dannykh izdaniy Rossii i stran SNG*. URL: <http://www.ebiblioteka.ru/sources/article.jsp?id=3684782>, 2002.
4. Latov Yu. V. Ekonomicheskiy analiz terrorizma// *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* №5. 2007. s. 18-21.
5. Makarov, M. L. Osnovy teorii diskursa / M. L. Makarov. – М.: ИТДГК «Гнозиз», 2003. с.127.
6. Moskovichi S. Sotsial'nye predstavleniya. Istoricheskiy vzglyad // *Psikhologicheskiy zhurnal*. 1995. – Т. 16. №1 2.- с.11-22.
7. Nechitaylo D.A. Sovremennyy radikal'nyy ekstremizm: strategiya i taktika/ отв. ред. V.L. Shul'ts; Tsentr issledovaniy problem bezopasnosti RAN.-M.:Nauka, 2011.s. 431.
8. Petukhov V. B., Terrorizm v informatsionno-semioticheskom i mifologicheskom kontekste // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2008, №3. с.92-101.
9. Sosnin V. A. Psikhologiya sovremennogo terrorizma.- М.: FORUM, 2010. с. 16.
10. Terrorizm v sovremennom mire. 2-oe izd. / Pod red. V. L. Shul'tsa; Tsentr issledovaniy problem bezopasnosti RAN.- М.: Nauka 2011. (с. 10, с.5, с. 282).
11. Khabermas Yu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie / Per. s nem. pod red. D. V. Sklyadneva, poslesl. B. V. Markova. — SPb.: Nauka, 2000. с.57.
12. Hall S. 1986. The Problem of Ideology – Marxism Without Guarantees. – *Journal of Communication Inquiry*, vol. 10, N 2.
13. Morse, J. M. Interviewing the ill / J. M. Morse // Gubrium J., Holstein A. *Handbook of interview research*. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. – R. 317–330.
14. Thompson John V. *Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication*. Oxford: Polity Press, 1990. PP. 56-66.
15. Wagner W. Queries about social representation and construction // *Journal for the theory of social behaviour*. 1996. V. 26. N 2. P. 95-120., с. 109.